

Глава 30. Боязнь полной луны (3)

Боязнь полной луны?

Что это за болезнь?

Он слышал о ликантропии, вампирах и поклоняющихся луне горных духах из народных преданий, но о боязни полной луны — никогда. Впрочем, при первой встрече Хо Сяотин упоминала, что интересуется редкой фобией, связанной с луной.

Цэнь Цзинь искал информацию в телефоне и действительно нашёл сведения об этом странном и редком расстройстве. Оно проявлялось в страхе перед луной, невозможности смотреть на неё, особенно во время затмений, кровавой луны или полнолуния, когда симптомы обострялись. Точная причина этой странной фобии до сих пор не установлена.

Существовало несколько версий. Одна связывала её с психологической травмой: например, солдаты, часто атаковавшие или подвергавшиеся нападениям лунными ночами, после войны страдали от этой фобии как от посттравматического расстройства.

Другая теория предполагала боязнь гигантских объектов. В определённые дни на ночном небе появлялась огромная кровавая луна. Находясь очень близко к Земле, она выглядела невероятно большой, словно гигантский кровавый глаз, наблюдающий за крошечными людьми, что вызывало гнетущее чувство и страх.

Была и третья версия: боязнь луны обусловлена древними генами.

Человеческий организм несёт в себе бесчисленное множество древних генов. Часть из них с течением времени слилась с геномом человека и проявилась в виде доминантных признаков. Например, гены иммунной системы, унаследованные от вымерших видов людей, таких как неандертальцы и денисовцы, помогают современному человеку бороться с патогенами.

Другая часть древних генов остаётся скрытой, не проявляя себя и лишь изредка активируясь у отдельных индивидов. Если человек испытывает страх перед обычными вещами без видимых патологических причин вроде психологической травмы, это называют древней генетической боязнью.

В природе это явление распространено: жертва, даже впервые увидев хищника, испытывает страх, что позволяет ей спастись. Этот страх перед естественными врагами закодирован в генах.

Однако у людей древняя генетическая боязнь проявляется редко, в основном потому, что виды, представлявшие для них огромную угрозу в древности, практически вымерли, и у генов страха нет повода для активации.

Цэнь Цзинь вдруг подумал о древних временах, когда величайшей угрозой для человечества были могущественные и ужасающие аномалии высшего уровня опасности. Хотя в ходе истории, неизвестно по какой причине, аномалии в какой-то момент одновременно исчезли, теперь они возвращались, неся с собой ещё больший ужас.

Не вызовет ли это массовую активацию древних генов страха в человеческой популяции?

Цэнь Цзинь покачал головой, отгоняя посторонние мысли. Он слишком отвлёкся. Возвращаясь к словам Хо Сяотин о боязни полной луны, если предположить, что причина кроется в древних генах, то нужно выяснить механизм их активации.

Хо Сяотин говорила: «Семья Ли Чжэньчжуна страдает от странной болезни, за эти годы умерло много людей». Это означало, что до определённого момента семья Ли Чжэньчжуна была здорова, а после у них проявились явные симптомы боязни луны и начались смерти.

Значит, в какой-то момент некий механизм активировал у них эту фобию. Нужно найти и устранить этот механизм.

Впрочем, пока это были лишь его догадки. Чтобы разобраться, нужно было лично отправиться в дом семьи Ли.

Он толкнул дверь и, едва переступив порог, услышал голос за спиной:

— Так это и есть твой дом?

— !!!

Бах!

Цэнь Цзинь подпрыгнул, как кошка, которой наступили на хвост, резко захлопнул железную дверь и, выхватив тесак, принял боевую позу. Он с враждебностью уставился на внезапно появившегося позади него Дин Чжаоцина.

— Ты следил за мной? — холодно спросил он.

Сегодня Дин Чжаоцин был одет не в роскошный чёрный халат с золотым шитьём, а в идеально скроенный костюм и до блеска начищенные туфли. Монокль с золотой цепочкой, спускавшейся вдоль щеки, вызывал непреодолимое желание прикоснуться к ней, а затем и к самой щеке, чтобы проверить, так ли она мягка и бела, как кажется. Длинные волосы, достойные рекламы шампуня, были собраны в высокий хвост и украшены золотой заколкой-кистью с двумя ажурными шариками на концах. Один из них покачивался у него на груди.

Высокий, стройный, он стоял в полумраке прихожей. Белая кожа и чёрные волосы, словно подсвеченные мягким фильтром, создавали образ героя из немого чёрно-белого фильма прошлого века.

— Ты... в костюме? — вырвалось у Цэнь Цзиня.

— Не нравится?

— ...Нравится, — особенно вычурно, словно павлин, распустивший хвост. Но выглядело это и впрямь ослепительно. К тому же, классический костюм никогда не выходит из моды. — Почему вдруг костюм?

— Приходить к старому другу для делового разговора в официальной одежде — это элементарный этикет. Сейчас официальная одежда — это костюм. Я ведь должен следовать местным обычаям, не так ли?

— Старому другу?

Дин Чжаоцин смерил его насмешливым взглядом и сказал:

— Мы, аномалии, тоже любим заводить друзей. Есть у меня несколько старых друзей, узы с которыми очень крепки. Мы не виделись много лет. Я с огромным трудом наконец нашёл их и решил устроить встречу, чтобы возобновить общение. Надеюсь, они снова будут служить мне верой и правдой.

Судя по тому, как он произнёс «служить верой и правдой», Цэнь Цзинь понял, что эти отношения полны интриг и обмана. Прямо как с его старыми друзьями-должниками, которых он тоже помнил много лет.

— Значит, ты обманул меня, — рука Цэнь Цзиня напряглась, зрачки расширились, он не мигая смотрел на Дин Чжаоцина. — Проход между подземным водохранилищем и пещерой Четырёх Морей — это хижина в лесу, а проход между хижинкой и внешним миром — это я, её постоялец-человек. Ты можешь свободно входить и выходить только через меня как посредника. Но я не знаю, откуда у тебя костюм, когда ты успел его купить. Не знаю, как ты нашёл своих старых друзей и когда успел с ними встретиться. Ты заставил меня думать, что твои действия ограничены мной, что ты должен находиться рядом со мной. На самом же деле ты можешь свободно действовать без меня.

— Когда это я тебя обманывал? — спросил Дин Чжаоцин.

— Ты... — Цэнь Цзинь хотел было обвинить его, но, вспомнив их прошлые разговоры, понял, что Дин Чжаоцин лишь сказал, что Цэнь Цзинь — единственный посредник между хижинкой и внешним миром, поэтому он и обратился к нему. А то, что его действия и сила ограничены, —

это уже были его собственные домыслы.

Строго говоря, Дин Чжаоцин его действительно не обманывал. Это он сам всё додумал, не предполагая, что слова Дин Чжаоцина могут иметь лишь буквальный смысл. Но любой нормальный человек, столкнувшись с божеством уровня «конца света», будет настороже. Каждое его слово, каждое действие будет многократно анализироваться и истолковываться, пока не появится уверенность, что, несмотря на скрытые мотивы, большой угрозы нет.

Однако, неужели Дин Чжаоцин тогда не понимал, что он всё не так истолкует?

Наверняка понимал. Он наблюдал за всем процессом: от его настороженности и враждебности до расслабления и потери бдительности. Аномалия уровня «конца света» взирала на него, изучала его и не боялась, что он узнает правду.

Потому что, знает он правду или нет, он не представляет для божества никакой угрозы.

Цэнь Цзинь встретился взглядом с Дин Чжаоцином и отчётливо увидел в его глазах знакомую, лёгкую усмешку. Его словно окатило ледяной водой. Он вдруг понял, что всегда, в любой момент, улыбка в глазах Дин Чжаоцина и изгиб его губ были абсолютно одинаковыми.

Стандартный изгиб губ и лёгкая усмешка на этом великолепном, красивом лице. Он всегда улыбался, когда говорил, его слова были изысканны, тон — мягок. Но иногда проявлялись и другие эмоции — радость, холодность, — и при внимательном рассмотрении в этом угадывались следы игры.

Но играл он мастерски, доводя её до совершенства. Со временем, как лягушку в медленно нагревающейся воде, это усыпляло бдительность. Ты знаешь, что перед тобой божество, которому, согласно девизу, верить нельзя, но невольно начинаешь думать, что он неплохой парень и ему можно доверять.

Особенно когда Дин Чжаоцин демонстрировал ненависть к другим богам и близость к людям, создавая ощущение, что они в одном лагере. Хотя Цэнь Цзинь никогда полностью ему не доверял, подсознательно он всё же считал его союзником.

На самом деле, Дин Чжаоцин действительно ненавидел богов, и в этом они с человечеством были на одной стороне. Но он никогда не станет частью человеческого лагеря.

Волосы на затылке Цэнь Цзиня встали дыбом, по спине пробежал холодок, он весь напрягся и застыл. Долгое время он стоял в напряжённом молчании, глядя на Дин Чжаоцина. Его мозг работал на пределе. Чем больше он думал, тем яснее становилась картина, и напряжение постепенно отступало.

Всё равно он сейчас ничего не мог сделать Дин Чжаоцину. Пока они на одной стороне. Лучше

раньше понять истинную природу богов, это только на пользу.

Цэнь Цзинь медленно моргнул и смягчил тон:

— Это я неправильно понял, прости. Кстати, где ты научился современному деловому этикету?

Улыбка в глазах Дин Чжаоцина на мгновение застыла, словно на маске появилась тончайшая, почти незаметная трещина, которая тут же была идеально заделана.

— В кино. В старом кино на плёнке. Глубоко в моей памяти сохранилось, как я в тёмной комнате в одиночестве посмотрел множество фильмов.

Так называемая «глубина памяти» принадлежала лишь легендарной личности из списков Организации по имени «Дин Чжаоцин», но божество бесцеремонно присвоило её себе.

— Кино и правда интересная штука, — ровным голосом сказал Цэнь Цзинь. — В детстве это было моим единственным развлечением.

— А ты знаешь, почему Дин Чжаоцин любил смотреть кино в одиночестве? — спросил присвоивший себе даже имя Дин Чжаоцин, без малейшего зазрения совести говоря о другом «Дин Чжаоцине» и щедро делясь его душевным миром.

— Не знаю и знать не хочу.

Цэнь Цзинь отказался сплетничать, но злокозненное божество само раскрыло тайну:

— Потому что он смотрел кино с несуществующим человеком. Тот человек очень любил кино.

На лице Цэнь Цзиня появилось странное выражение. Он пробормотал себе под нос:

— По всем канонам, если слишком много совпадений, значит, что-то не так. — Он обхватил себя руками, словно ища защиты. — Этот несуществующий человек... это ведь не я?

Дин Чжаоцин молча смотрел на него.

Через мгновение он улыбнулся и, развернувшись, вошёл в дом.

«...»

Цэнь Цзинь подумал, что актёрское мастерство Дин Чжаоцина настолько хорошо, что он с

первого взгляда распознал в его улыбке вежливый отказ от ответа.

— Это мой дом, а не твоя хижина. Без разрешения это считается незаконным проникновением. Я могу вызвать полицию, — напомнил Цэнь Цзинь. Услышит его Дин Чжаоцин или нет, было уже не его дело. Если тот решит применить силу, он всё равно ничего не сможет сделать.

Услышав это, Дин Чжаоцин на мгновение задумался. К удивлению Цэнь Цзиня, он вышел из дома, закрыл за собой дверь и в следующую секунду постучал.

— Гость у порога. Могу я войти? — спросил он.

Цэнь Цзинь открыл дверь и увидел, как Дин Чжаоцин, опустив взгляд, мягко смотрит на него. Внезапно он понял, что выражение «мой скромный дом озарён вашим присутствием» — это не просто лесть.

— Ты открыл дверь гостю. Теперь это не считается незаконным проникновением, верно?

— ...Не считается.

Цэнь Цзинь впустил Дин Чжаоцина в дом. Внутри пахло сыростью — давно здесь никто не жил.

Когда он спешно бросал учёбу, то не смог забрать все свои вещи. Боясь беспокоить соседей, он снял номер в дешёвой гостинице неподалёку, думая вернуться, как только решит вопрос с документами. Неожиданно это затянулось на месяц, и в углах уже появилась плесень.

После обеда ему нужно было на медосмотр, так что Цэнь Цзинь решил отложить генеральную уборку на потом.

В гостиной стояла поминальная табличка и фотография слепой старушки. Перед табличкой в курильнице торчало множество бамбуковых палочек. Цэнь Цзинь аккуратно всё убрал, зажёт новую палочку благовоний и, обернувшись, увидел, что Дин Чжаоцин стоит рядом и смотрит на другую фотографию на стене.

— В каком возрасте ты здесь сфотографирован?

— Года в три-четыре.

Когда Цэнь Цзиню было три или четыре года, его подобрала и приютила слепая старушка. Как раз в это время по улицам ходил фотограф, и она заплатила ему, чтобы он сделал снимок.

На фотографии тощий, костлявый ребёнок с отсутствующим выражением лица смотрел в

камеру взглядом дикого зверька, борющегося за еду.

— Такой милый.

Цэнь Цзинь покосился на Дин Чжаоцина, не решаясь согласиться с его вкусом.

Дин Чжаоцин обошёл шестидесятиметровую квартиру, указывая на следы прошлого и расспрашивая об их происхождении. И всё, что он указывал, было безошибочно связано с Цэнь Цзинем.

Цэнь Цзинь отвечал на каждый вопрос, но при этом умудрялся вплетать в свои ответы встречные вопросы, пытаясь выведать информацию.

Например, когда Дин Чжаоцин спросил, кто собрал полную полку видеодисков и какой фильм лучше, Цэнь Цзинь, отвечая, невзначай поинтересовался, что такое «плотский гроб Гуаньинь» и что значит «часть великого ритуала».

Дин Чжаоцин сидел в плетёном кресле у окна, подперев щеку рукой, и, не отрывая взгляда от Цэнь Цзиня, медленно произнёс:

— В древности существовали плотские гробы. Человека помещали в чрево демона или демона — в чрево человека. Их погружали в кровавый пруд, построенный в земле четырёх инь, куда падал свет полной луны. Так лепилась плоть и создавались кости. Демон становился человеком, а человек — демоном. Происходило перерождение, смешение инь и ян.

Слова звучали витиевато, но смысл был понятен. Проще говоря, если поместить человека в чрево демона для нового рождения при определённых условиях — кровавый пруд, земля четырёх инь под светом полной луны, — то в нужный момент он переродится из человека в демона.

И наоборот, если поместить демона в чрево человека, можно было добиться того же эффекта изменения вида.

— А можно поподробнее? Например, почему это должно быть именно в земле четырёх инь под светом полной луны? Ты говорил, что медная статуя женщины — это плотский гроб Гуаньинь. Судя по названию, я могу догадаться, что медная статуя сорокадвухрукой Гуаньинь находилась в животе этой женщины.

— Эта женщина-статуя когда-то была беременна хранителем гробницы, но её вскрыли заживо. Потом ей выкололи глаза, отрубили руки, содрали кожу, и после такой мучительной смерти в её чрево поместили статую сорокадвухрукой Гуаньинь... Гуаньинь была погребена в её животе, так что она стала гробом для Гуаньинь, человеческим гробом, тем, что ты и назвал плотским гробом Гуаньинь.

— Так называемый кровавый пруд, должно быть, и есть тот медный гроб.

— Когда гроб зарывали в землю четырёх инь, его наполняли свежей кровью. Со временем кровь превращалась в зловонную чёрную жижу. Так что та чёрная вода, что вылилась при раскопках, и была кровавым прудом. А то, что он находился под землёй и при этом освещался луной, видимо, связано с конструкцией гробницы.

— Поместить демона в чрево... почему сорокадвухрукая Гуаньинь — демон? Что вообще такое «демон»? Это новый вид аномалий или существа из народных преданий, ставшие духами после долгой практики? И этот демон хотел стать человеком?

— На форуме вашего университета есть статья о природе демонов.

Цэнь Цзинь с сомнением зашёл на форум и, поискав по ключевым словам, действительно нашёл статью «Природа демонов». Автором значился... Дин Чжаоцин!

«Всё, что живёт, вселяясь в живое существо, есть демон». Демон — это обширная категория. Все аномалии, которые могут выжить, лишь вселившись в живое существо, называются демонами. Демоны любят свежую кровь и плоть, любят лунный свет и любят становиться людьми. Поэтому те, что вселяются не в людей, а в животных с высокой духовной силой, таких как лисы или ласки, обычно используют тайные методы, чтобы превратиться в человека. Один из распространённых методов — создание плотского гроба: они проникают в чрево человека и, проведя там десять месяцев, рождаются на свет.

Легенды о горных духах и диких монстрах из фольклора получили новое объяснение: все они были отнесены к обширной категории «демонов», аномалий, способных выжить, лишь вселяясь в живые существа. Из-за этой слабости демоны особенно сильно жаждут стать людьми.

Живые существа с высокой духовной силой — их главная цель. Люди более бдительны, и в них сложнее вселиться. К тому же, до рождения демоны обычно очень слабы. Поэтому их первой целью становятся животные с высокой духовной силой, близкие к человеку, такие как лисы или ласки.

Кроме того, они любят свежую кровь и лунный свет, отсюда, вероятно, и обычай поклоняться луне. В древности путники, подглядев за одержимыми животными, тайно поклоняющимися луне, и, если им везло остаться незамеченными и выжить, возвращались домой и рассказывали об увиденном. Со временем так и родились предания о том, как духи и монстры поклоняются луне, чтобы обрести разум и стать демонами.

Перед Цэнь Цзинем распахнулась ещё одна дверь в новый мир. Неужели на форуме есть ещё столько интересных статей?

— А что за демон эта сорокадвухрукая Гуаньинь? Она ведь не была организатором того великого ритуала? Кто создал плотский гроб Гуаньинь?

— Мой заклятый враг.

— И кто же твой заклятый враг?

Дин Чжаоцин лишь улыбнулся в ответ.

Цэнь Цзинь смутился, поняв, что спросил зря. Но, будучи настойчивым, он помолчал пару секунд и продолжил:

— Полагаю, ты не расскажешь, что такое великий ритуал. Тогда спрошу о другом: правда ли демоны могут совершенствоваться с помощью луны?

Во взгляде Дин Чжаоцина промелькнуло одобрение.

— Нет. Но в полнолуние их свирепость достигает пика, и они могут покидать тело-носитель на полчаса.

Глаза Цэнь Цзиня блеснули. Этой информации в статье не было.

Он молчаливо поощрял Дин Чжаоцина рассказать больше, но тот, хитрец, обронил лишь несколько фраз и замолчал.

Поняв, что больше ничего не вытянуть, Цэнь Цзинь сдался и начал переваривать полученные знания. Но стоило ему отвернуться, как Дин Чжаоцин исчез, словно он просто проходил мимо и из прихоти решил зайти в гости.

Немного отдохнув дома, Цэнь Цзинь вернулся в университетскую больницу на полный медосмотр. К четырём часам дня всё было кончено.

Хо Сяотин прислала сообщение, что ждёт его у входа в больницу, чтобы отвезти к дому семьи Ли.

Цэнь Цзинь нашёл её машину, сел на пассажирское сиденье и сказал:

— Вообще-то, ты могла бы просто дать адрес, я бы сам доехал на такси.

— Ли Чжэньчжун нанял двадцать наёмников и заказал у одной из трёх лучших в мире охранных компаний специальную систему безопасности. Не будет преувеличением сказать, что даже пролетающую птицу собьют. Особенно в последние полгода, когда смертей стало больше. Оставшиеся в живых находятся на пределе, они заперлись в старом здании и боятся выйти. При малейшем шорохе поднимают дикий крик. Уверяю тебя, без меня ты бы даже к воротам не

подошёл.

— Когда была первая смерть? И сколько всего умерло?

— Три года назад, в майское полнолуние, пятнадцатого или шестнадцатого числа. Первым умер племянник Ли Чжэньчжуна. С тех пор умер двадцать один человек, почти по одному каждый месяц. Я записывала время их смерти и погоду в тот день. Все они без исключения умерли в середине месяца, пятнадцатого или шестнадцатого числа, в ясную, безоблачную ночь, когда на небе сияла полная луна.

— А в те месяцы, когда смертей не было, небо было затянуто тучами?

— Да. Откуда ты знаешь?

— В такую погоду нет луны.

— Похоже, ты уже подготовился. Я год вела записи, прежде чем поняла этот смертельный закон: полнолуние. До вчерашней ночи я думала, что это просто усугублённая версия редкой лунной фобии — боязнь полной луны. Но увидев Гуаньинь из человеческой кожи и медную статую женщины, я осмелилась предположить, что это не наследственное заболевание, а проделки злых духов.

Помолчав, она поправилась:

— Вы, кажется, называете их аномалиями?

— Можно и злыми духами.

Если за всем этим стоит та самая статуя сорокадвухрукой Гуаньинь.

Кстати говоря, к какому виду «демонов» относится эта статуя?

— Да, — кивнул Цэнь Цзинь и невзначай спросил: — В сообщении, что ты прислала утром, упоминалось, что твоя тётя, когда теряла рассудок, часто повторяла два слова: «луна» и «медный гроб»?

Хо Сяотин на мгновение замолчала, затем, глубоко вздохнув, сказала:

— Когда произошла первая смерть, моя тётя была единственной свидетельницей. Она видела всё от начала до конца, и это так её потрясло, что она сошла с ума. Её отправили в санаторий, но меньше чем через полмесяца Ли Чжэньчжун забрал её обратно в старое здание, сказав, что

дома ей будет обеспечен лучший уход. В нашей стране к санаториям относятся с недоверием, поэтому я поверила Ли Чжэньчжуну, поверила, что он искренне любит мою тётю и хочет о ней заботиться. Пока моя двоюродная сестра не попросила меня о помощи. Тогда я узнала, что тётю заперли в старом здании. Она не только не получала медицинской помощи, но и была ограничена в свободе, отчего её состояние только ухудшилось.

— Ли Чжэньчжун держал её взаперти, — глаза Хо Сяотин похолодели. — Потому что моя тётя, похоже, что-то знала, и он боялся, что она проболтается. Я несколько раз навещала её и поняла, какие знаки она мне подавала. Первое — кровавая луна, это связано со странной и жуткой боязнью полной луны у семьи Ли.

— Второе — медный гроб. Когда его откопали, днём погиб один рабочий, а ночью — ещё двое. Это было серьёзное преступление, но в итоге дело замяли, послушав совета некоего «высокого человека». Гроб переплавили, отлив из него какую-то странную статую, а гибель людей списали на несчастный случай, выплатили компенсацию, и строительство продолжилось... Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Никакого полицейского расследования не было.

Цзэнь Цзинь вспомнил газетную статью. Там было написано: «Ли Чжэньчжун собирался вызвать полицию, но по дороге попал в аварию». Упоминание о полиции было лишь здесь, и в дальнейшем изложении событий о ней больше не говорилось.

Когда откопали столько костей и медный гроб, по идее, на место должны были прибыть археологи и представители Управления по охране культурных ценностей. Они бы не позволили Ли Чжэньчжуну самовольно переплавить гроб.

Кем был тот «высокий человек»? Что произошло, когда Ли Чжэньчжун, попав в аварию, отправился в больницу? Почему он отказался от вызова полиции и даже забрал с собой статую Гуаньинь из гроба?

Все родственники Ли Чжэньчжуна, как прямые, так и побочные, страдали от боязни полной луны. Это явно было связано со статуей Гуаньинь. Но как они заболели и почему смерть преследует их по пятам?

— На самом деле, кроме той газеты, что ты нашёл в подвале библиотеки, больше нигде не сообщалось о находке медного гроба. Та газета через год после публикации закрылась, а все, от главного редактора до ответственного секретаря, бесследно исчезли. Инцидент с медным гробом в библиотеке позже упоминался только в списке десяти главных городских легенд Синьхая, в которые мало кто верил. Ах да, ещё была одна крупная научно-популярная программа, которая любила разгадывать всякие загадочные и легендарные события. Они посвятили целый выпуск инциденту с медным гробом. Два часа нагнетали жуть, а разгадка заняла три минуты.

— И в чём была разгадка? — с любопытством спросил Цэнь Цзинь.

— Кошачье-собачий задний двор.

— ...?

— Выкопанные кости оказались любимыми игрушками кошек и собак, а так называемый медный гроб — кошачьим туалетом, — объяснила Хо Сяотин. — На месте библиотеки раньше был пустырь со стройплощадкой, и местные кошки и собаки любили там играть. Там действительно находили кошачьи туалеты и собачьи игрушки. Так что программа, в своём обычном стиле, раздула из этого целую историю. Плюсом было то, что после выхода передачи в библиотеку стало лазить меньше ночных искателей приключений.

— Знакомые приёмы, фирменный стиль, гениальное разоблачение суеверий, — съязвил Цэнь Цзинь.

Обмен парой шуток немного разрядил напряжённую атмосферу, и они вернулись к разговору.

— Я продолжила расследование и привлекла внимание Ли Чжэньчжуна. Но ему было не до меня. Людей умирало всё больше, а безумие в старом здании усиливалось.

— Как проявляется боязнь полной луны?

— Они боятся лунного света. Увидев луну, сходят с ума.

— И всё?

— В полнолуние в старом здании гостей не принимают. Я никогда не видела, как у них начинаются приступы. Моя двоюродная сестра видела. Она мне только это и сказала.

Похоже, Хо Сяотин знала не так уж много.

Через час с лишним они наконец добрались до старого особняка семьи Ли. Поднявшись по стометровому склону, машина остановилась перед большими чёрными железными воротами. Хо Сяотин позвонила своей двоюродной сестре.

Цэнь Цзинь огляделся. Вдоль всего склона до самых ворот не было никакой зелени. Дорога и пятиметровые стены по обеим сторонам были выкрашены белой известью. Голое, безжизненное пространство.

Ни воды, ни зелени, ни насекомых. Мёртвая тишина, зловещий холод.

Известь отражает до 70% солнечного света, поэтому здание не нагревается. Как только стемнеет, наваливается густой, неприятный холод.

— В новостях передали, что сегодня ночью тоже будет кровавая луна, погода хорошая. Ли Маньюнь сказала, что прошлая ночь была спокойной, так что, думаю, сегодня будет не так... Мою двоюродную сестру зовут Ли Маньюнь, я попросила её открыть нам ворота.

Как только Хо Сяотин закончила говорить, железные ворота медленно открылись, и она въехала внутрь.

— Это задние ворота, обычно они закрыты. Видишь ряд камер? Следят очень пристально, даже голубь не пролетит. Сегодня особый случай. Ли Маньюнь сказала, что кто-то из дома тайно вызвал полицию. Полицейские с ордером пришли расследовать смерти, произошедшие за последние три года. Похоже, останутся на ночь. Мы проберёмся тайно. Ли Маньюнь встретит нас у северного входа. Как только попадём в здание, сможем спрятаться, там нет камер.

За воротами находилась большая, выкрашенная известью площадь, окружённая высокими стенами. Пустое, лишённое всякого дизайна пространство напоминало тюремный двор для прогулок. Проехав через площадь, они въехали в рощу из выжженных, почерневших деревьев. Минут через пять-шесть, миновав рощу, они оказались в японском саду камней, засыпанном острым гравием. Немногочисленная зелень тоже была покрыта известью.

Сад камней, шириной около десяти метров, имел овальную форму. В его центре возвышались два десятиэтажных здания, полностью выкрашенных белой известью. Здания были обычными жилыми домами, соединёнными вместе, с шестью входами: с востока, запада, юга, севера, спереди и сзади.

Снизу вверх плотно расположенные окна были заклеены чёрной плёнкой. Издалека они напоминали ненастоящий, бумажный дом. Ещё не приблизившись, можно было почувствовать удушающую, гнетущую атмосферу.

— Это и есть старый особняк семьи Ли? — спросил Цэнь Цзинь. — От одного вида этого здания становится не по себе, не говоря уже о том, чтобы жить в нём.

Хо Сяотин припарковала машину в саду камней. Услышав его слова, она потёрла руки.

— Если бы здесь не жили моя тётя и двоюродная сестра, я бы ни за что сюда не приехала. Каждый раз, когда я здесь, у меня мурашки по коже, я не могу это контролировать. И чем чаще я приезжаю, тем сильнее это жуткое чувство.

Она не удержалась и добавила:

— Мне кажется, это дом не для живых.

— Действительно, не для живых. От склона до дороги, площади, высоких стен и двух жилых зданий — всё покрыто известью. На выбеленной земле ничего не растёт. Посреди всего этого — роща из выжженных, почерневших деревьев. Ни единого зелёного пятнышка. Думаю, те зелёные растения в саду — фальшивые.

Хо Сяотин не поверила и, подойдя, дёрнула одно из растений.

— Это пластик! — воскликнула она в изумлении. — Я столько раз здесь была и ни разу не заметила!

— Известь дезинфицирует и убивает бактерии. Если покрыть настоящие растения таким толстым слоем, листья давно бы пожелтели и засохли. Зелёный цвет поднимает настроение, улучшает обстановку. А здесь, на таком большом пространстве, нет ни капли зелени. Единственные растения сожжены, целая роща почерневших деревьев. Вокруг только чёрное и белое. Странно, если бы от этого не поехала крыша.

Цэнь Цзинь указал на высокие стены и белые здания:

— Высокие стены со всех сторон создают подсознательное ощущение заточения. Большие площади, покрытые известью, отражают более 70% солнечного света. Даже в самый жаркий день в зданиях не будет жарко, наоборот, будет ощущаться неприятный холод. Днём тепло не накапливается, а ночью, когда температура падает, из земли поднимается холодная инь. Рано или поздно — ревматизм.

— ...

Прослушав всё это, Хо Сяотин, которой с каждой секундой становилось всё страшнее, ожидала услышать какой-то ужасающий вывод, а в итоге — всего лишь ревматизм.

Цэнь Цзинь бросил на неё взгляд.

— Ревматизм трудно лечить, не стоит его недооценивать. Но главное в моих словах — это психологическое воздействие. В гнетущей обстановке рождаются тёмные мысли. Подавленное состояние делает человека более уязвимым для загрязнения, как, например, Ван Ючжу, которую одурманил призрак. Особенно если учесть, что здесь обитает настоящее, выращенное человеком чудовище. Ты не знаешь, в кого оно может вселиться.

— Оно ещё и вселяться может? — потрясённо спросила Хо Сяотин.

— Есть такая способность.

Лицо Хо Сяотин дёрнулось, в глазах появилось сомнение.

— Маленький вопрос. Если в этом старом здании живёт весь клан Ли, они не могут свободно выходить, а тела двадцати одного умершего до сих пор хранятся в здании, вы считаете, это большая проблема?

Цэнь Цзинь повернулся к ней.

— Проблема небольшая. Я просто хочу вернуть деньги.

Хо Сяотин тут же скорчила гримасу.

Цэнь Цзинь беззвучно вздохнул и, посмотрев на белое высотное здание, пробормотал:

— Этот старый особняк, возможно, уже превратился в дом монстров.

<http://bllate.org/book/13658/1587607>